

Скажи мне, кто я

МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ И РЕАЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ О ЛЮДЯХ,
ВОСПИТАННЫХ ЖИВОТНЫМИ

Елена Суркова



Елена Суркова

**Скажи мне, кто я: Мифы, легенды
и реальные истории о людях,
воспитанных животными.**

«Автор»

2026

Суркова Е.

Скажи мне, кто я: Мифы, легенды и реальные истории о людях, воспитанных животными. / Е. Суркова — «Автор», 2026

де проходит граница между человеком и животным? Эта книга — захватывающее путешествие сквозь тысячелетия: от великих легенд древности об Энкиду и Ромуле до суровых полицейских протоколов наших дней. Вы узнаете поразительные истории детей, воспитанных волками, медведями, собаками и мартышками. Мы отделим научные факты от газетных выдумок и раскроем самую главную тайну. Что происходит с душой в глухой изоляции и могут ли звери дать брошенному ребёнку любовь, в которой ему навсегда отказали люди?

© Суркова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ЭНКИДУ	7
ГЛАВА 2. ДЕТИ ИЗ ГЕССЕНСКИХ ЛЕСОВ (ГЕРМАНИЯ, 1304 И 1344 ГГ.)	11
ГЛАВА 3. РОМУЛ И РЕМ (РИМ, 753 Г. ДО Н. Э.)	14
ГЛАВА 4. ДЖОН ИЗ ЛЬЕЖА	17
ГЛАВА 5. ГЭУ-УТУН	20
ГЛАВА 6. МЕДВЕЖИЙ МАЛЬЧИК ИЗ ЛИТВЫ	22
ГЛАВА 7. ТЕЛЕФ	25
ГЛАВА 8. ПИТЕР ИЗ ХАМЕЛЬНА	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Скажи мне, кто я: Мифы, легенды и реальные истории о людях, воспитанных животными.

ВВЕДЕНИЕ



Февраль 1867 года, округ Буландшахр, Британская Индия. Охотники стоят у входа в пещеру, сжимая ружья. У входа разведён костёр, и в чёрный зев заползает едкий дым. Ждать приходится недолго: дым быстро выкуривает зверя. Из темноты слышится хриплое дыхание, кашель, и вот на свет выскакивают волки. За ними, на четвереньках, выбегает мальчик лет шести.

Его хватают, связывают, увозят в сиротский приют миссии Сикандра в Агре. Там ему дадут имя Дина Саничар — по-хинди это значит «суббота», день, когда его привезли. Он проведёт в приюте почти тридцать лет, так и не научится говорить, будет есть только сырое мясо и рвать на себе любую одежду. Единственным его другом станет другой такой же одичавший ребёнок, но тот скоро умрёт, и Дина будет выть от горя ночь за ночью, как воют волки. В 1895 году Саничар умрёт от туберкулёза, так и не став человеком в полном смысле этого слова.

Слухи об этом найдёныше дойдут до Редьярда Киплинга. По одной из версий, история дикого мальчика поразила писателя и повлияла на «Книгу джунглей». Киплинг, конечно, всё переиначил: его Маугли — бойкий повелитель зверей, а не молчаливый зверёныш, обгладывающий кости. Сказка вышла в 1894-м, за год до смерти Саничара.

Спустя полтора столетия французский хирург и историк Серж Ароль проведёт годы в архивах, сверяя медицинские документы с газетными вырезками. Он докажет, что одна из самых громких историй о «девочках-волках», растиражированная мировой прессой, была

сфабрикована. Речь о Камале и Амале — двух девочках, которых миссионер Джозеф Сингх якобы вытащил из волчьего логова в Бенгалии в 1920 году. Вся история опиралась только на дневник Сингха, причём многие страницы были без дат, а фотографии и «документы» оказались сделаны примерно на десять лет позже того времени, когда девочек якобы нашли.

А в 2025 году в северном Таиланде, в провинции Уттарадит, социальные службы найдут восьмилетнего мальчика в ветхой хижине на сваях. Он не говорит — только лает, подражая собакам, с которыми живёт. Мать и старший брат, оба с положительным тестом на наркотики, держали его взаперти. Соседи запрещали своим детям с ним играть. Шесть дворовых псов стали его единственными компаньонами. Директор местной школы поднял тревогу, когда выяснилось, что мальчик не появлялся на занятиях два года. Его поместили в детский дом, где он впервые в жизни получил нормальную еду и медицинскую помощь.

Учёные называют таких детей «феральными» — от латинского *ferus*, «дикий». За последние триста лет официально задокументировано несколько десятков случаев, когда люди находили одичавшего ребёнка в лесу или в логове хищника. Но кроме реальных историй существуют мифы и легенды о людях, вскормленных животными. Такие предания объясняли происхождение правителей и целых народов — от Ромула и Рема, которых вскормила волчица, до Энкиду из шумерского эпоса, выросшего среди зверей.

Эта книга — о тех и о других. О том, как с течением времени менялось отношение к людям, оказавшимся за гранью человеческого общества, и о том, как идея Руссо о благородном дикаре — человеке, добром и невинном от природы, — столкнулась с действительностью: дикие дети, как правило, глубоко травмированы и редко поддаются социализации.

Прежде чем вы перевернёте страницу, несколько слов о том, как устроен текст. В книге две линии. Первая — документальная: хроники, медицинские отчёты, архивные записи, научные статьи. Вторая — художественная реконструкция. Там, где источники молчат, я попыталась представить, как всё могло происходить. Как выглядела пещера, в которой нашли ребёнка. Что чувствовал мальчик, впервые увидевший людей. Каким был воздух в комнате, где его впервые попытались «вылечить». Это не домысел ради красоты — это попытка приблизить к читателю то, что иначе осталось бы сухой строкой в архивном документе.

Реконструкция всегда опирается на факты. В хронике сказано, что волки согревали мальчика зимой, — значит, я не могу придумать, что они делали это летом. Врач описал, как ребёнок рычал при виде незнакомцев, — значит, я не могу написать, что он улыбался. Но я могу представить, как это выглядело, и делаю это, чтобы история не была перечнем дат и имён. Там, где заканчиваются факты и начинается легенда, я стараюсь обозначить границу и не выдавать одно за другое.

Начнём с самого древнего из известных эпосов о диком человеке — он относится к числу древнейших литературных текстов в истории, ему почти четыре тысячи лет.

ГЛАВА 1. ЭНКИДУ

В славном городе Уруке, обнесённом высокими стенами, жил и правил великий царь Гильгамеш. Был он на две трети богом, на треть человеком и не знал себе равных ни по силе, ни по уму. Дни и ночи напролёт проводил он в пиршествах и забавах, и не было покоя жителям города от его деяний. Юношей Урука он забирал в войско и отправлял в дальние походы. Девушек уводил со свадебных пиров, требуя права первой ночи. И никто не смел ему возразить. Всё лютее становился Гильгамеш в своих потехах, и не стало от него спасения никому.

И тогда воззвали жители Урука к богам:

— О боги, сотворите нам избавление! Гильгамеш не шадит ни сына, ни дочери, не оставляет девы для жениха. Владыка Урука, буйный и гордый, — усмирите его, да станет он кроток!

Услышал их бог Ану, услышала и богиня Аруру, которая когда-то слепила из глины первого человека. Аруру омыла руки в священной воде, взяла ком глины и вылепила из него существо, похожее на человека. Тело его покрывала густая шерсть, волосы на голове росли длинные, как у женщины, и спадали до плеч. И нарекла его Энкиду, что означало «сотворённый Энки».

Энкиду поселился в дикой степи. Вместе с газелями он пил воду из одного ручья, вместе с дикими онаграми щипал траву. Звери стали его братьями. Никто в степи не боялся его: он не был охотником, а стал их стражем и защитником. Он не знал ни домов, ни городов, ни хлеба, ни пива — тёмного густого ячменного напитка, который варили в Уруке. Энкиду не ведал человеческой речи и не носил одежду.

Но пришла беда к охотникам, промышлявшим в тех краях. Дикий человек вырывал ловушки, разрушал силки и отгонял добычу, крича на неведомом языке. В страхе охотник пришёл к Гильгамешу:

— Владыка, в степи объявился дикий человек, подобный зверю. Он сильнее меня, руки у него крепки, как каменные глыбы. Помоги мне!

Гильгамеш ответил:

— Возьми Шамхат, блудницу из храма Иштар. Пусть она соблазнит его. Звери покинут его, когда он познает женщину, и он сам придёт в Урук, ибо станет мудрее.

Охотник привёл Шамхат к водопою, где Энкиду пил воду вместе с газелями. Два дня и две ночи ждала она. На третий день пришёл Энкиду, и женщина открыла ему своё тело. Шесть дней и семь ночей длилась их любовь. Когда же Энкиду насытился лаской, он обратился к зверью, желая вернуться к стаду. Но газели разбежались, а зверьё избегало его тела. Энкиду утратил прежнюю чистоту, и животные отвернулись от него.

Ослабевший Энкиду стал умней. Тогда Шамхат сняла с себя одежду, укрыла его и сказала:

— Встань! Пойдём со мной в Урук ограждённый, где живёт великий Гильгамеш. Там ты найдёшь дом и пищу, и люди будут чтить тебя, ибо силен ты, как никто на земле!

Энкиду встал и пошёл за Шамхат. Семь дней они шли по степи, и на седьмой день он увидел стены Урука. Так он вошёл в город людей.

В Уруке Гильгамеш увидел сон о приходе дикого человека. Мать его, богиня Нинсун, истолковала видение:

— Тот, кто придёт к тебе из степи, станет тебе другом и братом. Возлюбишь ты его, как жену, и не расстанетесь вы до самой смерти.

Когда Гильгамеш увидел Энкиду, загородившего ему путь в дом невесты, они схватились в смертельной схватке. Стены Урука сотрясались от их битвы. Когда силы их иссякли, они остановились и посмотрели друг на друга. Они поняли, что равны, ибо не было на земле никого сильнее их. Гильгамеш обнял Энкиду и назвал его братом.

Вместе они отправились в поход против Хумбабы, стража кедрового леса, вместе сражались и вместе побеждали. Но боги не любят, когда смертные дерзают слишком много. Когда Гильгамеш отверг любовь богини Иштар, она возвала к отцу своему Ану и наслала на землю Небесного Быка. Гильгамеш и Энкиду одолели чудовище, но боги решили: один из них должен умереть. Пал жребий на Энкиду.

Двенадцать дней лежал Энкиду на смертном одре. Когда пришла смерть, Гильгамеш пал ниц и зарыдал. Семь дней и семь ночей он не отходил от тела друга. Он отказывался хоронить Энкиду, не веря, что друг мёртв, — и лишь на седьмой день из носа покойного выпала личинка, и Гильгамеш понял: это конец.

— Я об Энкиду, о друге моём, плачу! — взывал он к небесам. — Энкиду, младший брат мой, гонитель онагров в степи, пантер на просторах! С кем мы, встретившись вместе, поднимались в горы?

Он снял с себя одежды, облачился в львиную шкуру и ушёл в пустыню.

— Неужели и меня не станет, как Энкиду? — вопрошал он небо и землю. И никто не мог дать ему ответа.

Так началось странствие Гильгамеша за бессмертием. Он пересёк горы, переплыл моря, сражался со скорпионами-людьми, прошёл сквозь тьму. Он встретил Утнапишти, пережившего Потоп, и добыл цветок, возвращающий молодость. Но пока он спал у источника, змей учуял запах цветка, унёс его и, сбросив кожу, стал молодым. Гильгамеш вернулся в Урук с пустыми руками.

«Эпос о Гильгамеше» известен по глиняным табличкам, найденным в руинах древних городов Месопотамии. Самый полный текст обнаружен в середине XIX века при раскопках Ниневии, столицы Ассирийской империи. Он записан на двенадцати шестиколонных табличках мелкой клинописью и включает около трёх тысяч строк. Таблички изготавливали из речной глины: пока она оставалась сырой, писцы острой тростниковой палочкой выдавливали клинообразные знаки. Затем таблички сушили на солнце, а важные обжигали в печи. Готовые таб-

лички одного содержания укладывали в деревянный ящик, получая глиняную книгу. Текст, найденный в Ниневии, датируется VII веком до нашей эры.

Эти таблички входили в библиотеку ассирийского царя Ашшурбанипала — крупнейшего собрания текстов древнего мира, которое он собирал четверть века. Обнаруженная археологами часть библиотеки состоит из двадцати пяти — тридцати тысяч глиняных табличек: медицинские трактаты, астрономические наблюдения, молитвы, законы, списки царей, литературные сказания. Библиотека погибла в 612 году до н. э., когда Ниневию разрушили вавилоняне и мидийцы, но пожар неожиданно сохранил глину: она обожглась, став твёрже камня.

В 1840-х и 1850-х годах английский археолог Остин Генри Лейард начал раскопки на холме Куюнджик — именно там, под слоем земли, скрывались руины дворцов Ниневии. В 1852 году его ассистент Ормузд Рассам, уроженец Мосула и прямой потомок древних ассирийцев, открыл вторую часть библиотеки. Десятки тысяч табличек отправили в Британский музей, где они лежали непрочитанными не одно десятилетие.

Среди обожжённых осколков предстояло сделать открытие, которое потрясло викторианский мир. Совершил его не профессор, а сын лондонского каменщика, бывший гравёр по металлу Джордж Смит. С четырнадцати лет Смит работал гравёром банкнот, но в свободное время приходил в Британский музей и самостоятельно учился читать клинопись. В 1866 году он привлёк внимание сэра Генри Роулинсона, одного из ведущих дешифровщиков клинописи. Роулинсон, поражённый познаниями самоучки, в 1867 году нанял его для каталогизации коллекции.

В 1872 году Смит, разбирая фрагменты, наткнулся на табличку. Это была одиннадцатая табличка эпоса о Гильгамеше. Читая её, он понял, что держит в руках текст о Великом потопе. Позже он описывал этот момент: «Мой взгляд упал на утверждение, что корабль остановился на горе Ницир, за которым следовал рассказ о послании голубя и о том, что он не нашёл места для отдыха и вернулся. Я сразу понял, что нашёл по крайней мере часть халдейского [вавилонского] сказания о Потопе». По свидетельству современников, прочитав текст, Смит «вскочил и заметался по комнате в сильном возбуждении и, к изумлению присутствующих, начал раздеваться».

3 декабря 1872 года он представил открытие на заседании Лондонского общества библейской археологии. Среди слушателей были премьер-министр Уильям Гладстон и архиепископ Кентерберийский. Открытие вызвало сенсацию: мир узнал, что история о Потопе существовала задолго до библейской Книги Бытия, по меньшей мере на тысячу лет раньше. Газета Daily Telegraph выделила тысячу гиней на экспедицию Смита в Ниневию. Он отправился на раскопки в 1873 году и действительно обнаружил новые фрагменты — казалось бы, невероятное везение, учитывая, что руин древних городов десятки, а табличек — сотни тысяч. Всего он совершил три экспедиции. Третья, в 1876 году, стала последней: он заболел дизентерией и умер в Алеппо в возрасте тридцати шести лет. Королева Виктория назначила его вдове ежегодную пенсию.

Позже выяснилось, что найденный фрагмент — часть более обширного эпоса. Однако текст сохранился не полностью, в нём есть лакуны, которые исследователи до сих пор заполняют по другим версиям, найденным от Хаттусы до Эмара. Двенадцатая табличка вызывает споры: многие исследователи считают, что она добавлена позднее и представляет собой дослов-

ный перевод на аккадский язык шумерской поэмы «Гильгамеш и Подземный мир», не связанный с основным сюжетом.

Табличка, которую держал в руках Смит, сегодня хранится в Британском музее под номером К.3375 и известна как «Табличка Потопа». На ней записан рассказ о Потопе, который произвёл переворот в представлениях викторианской Англии о библейской истории.

В 2018 году профессор Энрике Хименес из Мюнхенского университета Людвиг Максимилиана запустил проект Fragmentarium — алгоритм, который сопоставляет цифровые изображения разрозненных фрагментов табличек. До того момента ассириологи вручную сопоставили около пяти тысяч фрагментов за полтора века работы. За несколько лет проект помог сопоставить около полутора тысяч фрагментов с текстом «Эпоса о Гильгамеше», добавив новые детали более чем к ста строкам. Среди восстановленных фрагментов есть сцена, где Гильгамеш и Энкиду после убийства Хумбабы отправляются в Ниппур, священный город бога Энлиля, — рука об руку, пытаясь умиротворить Энлиля, который был разгневан их убийством своего протеже. Другой новый фрагмент показывает, как Энкиду пытается отговорить Гильгамеша от похода против Хумбабы. Алгоритм нашёл даже табличку 130 года до н. э. — она доказывает, что эпос переписывали и читали спустя тысячи лет после его создания. К 2023 году в базе Fragmentarium было оцифровано более двадцати двух тысяч фрагментов. Самый последний из обнаруженных фрагментов, найденный в 2015 году, когда Музей истории Ирака приобрёл у контрабандиста несколько десятков глиняных табличек, добавил к эпосу двадцать новых строк.

В древней Хаттусе, столице Хеттской империи на территории современной Турции, археологи нашли фрагменты эпоса, записанные на хеттском языке. Эти тексты отличаются от аккадской версии: иная структура, иные акценты. Хетты больше внимания уделяли отношениям Гильгамеша с богами и роли судьбы. В вавилонской версии Гильгамеш — тиранический царь, который преображается через дружбу с Энкиду и осознаёт свою смертность через потерю друга. В хеттской — царь, чья судьба определена волей богов. Так эпос жил и менялся, переказывался на разных языках, *adapting to cultures* — шумерской, аккадской, хурритской, хеттской, — каждый раз обретая новый смысл.

Около тридцати процентов «Эпоса о Гильгамеше» до сих пор остаются недоступными. Полмиллиона глиняных табличек хранятся в музеях и университетах мира, и большинство из них до сих пор не прочитано. Возможно, среди нерасшифрованных есть и новые фрагменты эпоса.

На этом заканчивается древнейшая известная нам история о диком человеке. За ней последуют другие — о Ромуле и Реме, о Викторе из Аверона и обо всех тех, кто, подобно Энкиду, вырос среди зверей и был воспитан животными.

ГЛАВА 2. ДЕТИ ИЗ ГЕССЕНСКИХ ЛЕСОВ (ГЕРМАНИЯ, 1304 И 1344 ГГ.)

Лето 1304 года в ландграфстве Гессен выдалось знойным. Хлеба на полях вокруг Эккехардсхаузена и Грюзена пожелтели, не успев налиться зерном. Лесная подстилка в чаще Бургвальда шуршала под ногами, как пергамент. Крестьяне на покосе у опушки трудились молча, экономя силы. Тишину августовского полдня нарушало лишь стрекотание цикад, да изредка доносился стук топора угольщиков.

Первыми его заметили деревенские мальчишки, собиравшие чернику в зарослях у старого русла Верры. Они примчались с криками, что в овраге прячется дикий зверь. Мужики, схватившись за вилы и цепи, увидели не зверя, а нечто, от чего у самых крепких перехватило дыхание.

На корточках, вжавшись в корни трухлявого дуба, сидел мальчик. На вид ему можно было дать лет семь или восемь. Он был совершенно наг; кожа его, там, где её не покрывала корка грязи, имела цвет дублёной кожи. Тело было тощим, но жилистым, с непропорционально развитыми плечами и руками, на которые он опирался, выставив локти в стороны — подобно волку, изготовившемуся к прыжку.

Лицо закрывала спутанная грива волос, падавших на глаза, но когда он поднял голову и оскалился, люди отшатнулись. Звериный оскал обнажал сточенные, но крепкие зубы. Из горла вырывался низкий, утробный рык, перемежавшийся коротким воём. Запах, исходивший от него, — мокрой шерсти, падали и дикого мускуса, — перебивал даже ароматы леса. Сперва приняли за лесного духа — потом разглядели человека.

Позже, когда его с трудом поймали, связали и доставили в ближайший господский двор, выяснились подробности, от которых притихли даже бывалые охотники. Мальчик не выносил прикосновения ткани к телу — при попытках одеть его он упирался и срывал с себя одежду. Ему бросили кусок вяленого мяса, и он набросился на него, отрывая полосы зубами и постоянно озираясь по сторонам. Хлеб он обнюхал и отшвырнул с отвращением. К нему обращались на разных наречиях — и гессенском, и саксонском, — но он не отвечал, только прижимал голову к плечам и издавал звуки, похожие на скулеж.

Слух о найдёныше быстро достиг ландграфа Генриха I Гессенского, находившегося тогда в своей резиденции в Марбурге. Ландграф приказал доставить дикого мальчика ко двору. Не из милости — из любопытства. В латинском тексте хроники так и сказано: *pro spectaculo*, «для зрелища». В средневековой картине мира такой случай не имел однозначного толкования: знамение ли божьего гнева, проделка ли дьявола — разбираться следовало власти.

При дворе мальчика отмывали, соскребая ороговевшую грязь и колтуны. Волосы остригли, и под ними обнаружилось человеческое лицо, ещё не лишённое детской округлости, но с настороженным, диким взглядом.

Главной задачей было выпрямить его. Мышцы задней поверхности бёдер срослись настолько, что мальчик не мог опустить пятки на землю и свести колени; передвигаться он мог только короткими прыжками на четвереньках. Придворные лекари связали ему ноги деревом и

туго перетянули, чтобы заставить ходить прямо. Боль, должно быть, была адской: первое время мальчик непрерывно выл и бился о стены. Но постепенно сухожилия начали растягиваться, и он встал. Походка его осталась неестественной, дёрганой, словно он балансировал на ходулях.

Со временем мальчик начал понимать речь и кое-что отвечать. Хроника сообщает: он часто говорил, что предпочёл бы жить среди волков, чем среди людей. Когда его спрашивали, где ему было лучше — в тёплой постели среди людей или в холодном лесу среди зверей, — он указывал пальцем за окно и издавал тихий, протяжный вой.

Через сорок лет, в 1344 году, история повторилась в регионе Веттерау, что лежит к югу от Гессена. В имении Этцоль, в зимнем лесу, называемом Харт, охотники наткнулись на другого мальчика. Согласно краткой записи в анналах, он прожил среди волков двенадцать лет. Был пойман зимой, в снегу, во время охоты. Хроника добавляет лишь одну примечательную деталь: этот мальчик прожил после возвращения к людям около восьмидесяти лет.

Историческая достоверность гессенских «волчьих детей» держится на фундаменте одного, но весьма авторитетного для своего времени источника. Это запись в «Хронике святого Петра в Эрфурте» (*Cronica S. Petri Erfordensis moderna*), а точнее, в её части, известной как «Хроника святого Петра в изложении Иоганна Роте» (*Johannis Rothe Cronica*). Иоганн Роте (ок. 1360–1434) был городским писарем, каноником и одним из самых заметных тюрингских хронистов позднего Средневековья. Его труд охватывает события до 1421 года и основывается как на более ранних анналах эрфуртского монастыря Святого Петра, так и на устных свидетельствах. Рассказ о мальчике 1304 года вошёл также в «Хронику Райнхардсбрунна», охватывающую события с 527 по 1338 год, — значит, история ходила не в одном монастыре, а в нескольких.

Именно Роте сообщает ключевые детали: что мальчик был пойман в 1304 году (некоторые списки ошибочно дают 1303-й, и расхождение связано с разными рукописными традициями), что его выкармливали волки, что его доставили к «князю Генриху земли Гессенской», где его «насильно выпрямили» и учили ходить, но он всё равно скучал по волкам. Важно отметить: в независимых анналах города Фрицлар, который также находился под юрисдикцией ландграфов Гессена и имел свою хронистскую традицию, этот поразительный случай не упоминается вовсе. Это не опровергает сам факт — но показывает, что история не получила достаточно широкой огласки, чтобы дойти до соседнего города и попасть в его официальный регистр.

Путаница в хронологии усугубилась с веками. Немецкий историк и топограф Вильгельм Дилих, работавший в начале XVII века над своим трудом «Гессенская хроника» (1605), совершил ошибку, которую позже растиражировали другие компиляторы. Дилих сдвинул историю на 1341 год, а в более поздних пересказах дата дрейфовала ещё дальше, превращая документальный факт в «бродячий сюжет» Нового времени. По версии Дилиха, мальчик 1341 года отчаянно сопротивлялся людям, бегал на четвереньках, прятался и отказывался от человеческой еды — а вскоре после поимки умер. Но это противоречит эрфуртской хронике, согласно которой первый найдёныш прожил среди людей долгие годы. Возможно, Дилих смешал детали разных историй или добавил свои — проверить сейчас невозможно.

Мог ли трёхлетний ребёнок выжить в лесах Центральной Германии зимой, в стае волков? Волчица не станет кормить человеческого детёныша: молоко у неё появляется только с рождением собственных щенков, и длится это недолго. Скорее всего, мальчик выживал иначе. Он питался объедками со стола стаи и тем, что находил сам: ягодами, кореньями, насекомыми.

Волки давали ему тепло. В хронике есть запись, будто волки брали лучшую часть добычи себе, а остаток отдавали мальчику, а зимой делали в земле яму, клали туда листья и траву, сверху — ребёнка и ложились вокруг, согревая его телами. Но это не подтверждение, а всего лишь сообщение хрониста, которое невозможно проверить. Мы не знаем, откуда он взял эти детали — слышал от кого-то, домыслил или перенёс на волков привычные представления о заботе и наставничестве.

Гессенский мальчик 1304 года стал первой в европейской письменной традиции задокументированной встречей с «диким ребёнком». Через четыреста с лишним лет Карл Линней включит его в свою «Систему природы» — наряду с литовским «мальчиком-медведем» и ирландским «мальчиком-овцой» — под латинским именем *Juvenis lupinus hessensis*, «гессенский волчий юноша». Линней отведёт таким детям особую категорию внутри рода *Homo*: *homo ferus* — человек дикий, четвероногий, немой, косматый. Многие черты поведения гессенского найдёныша — отвращение к одежде, тяга к сырому мясу, неспособность ходить прямо, тоска по зверям — повторяются с пугающей точностью и в XIX веке, и в XX, и в веке XXI.

ГЛАВА 3. РОМУЛ И РЕМ (РИМ, 753 Г. ДО Н. Э.)

Рассвет окрасил воды Тибра в багровые тона. Река вынесла на илистый берег хлипкую плетёную корзину из ивовых прутьев, пропитанную смолой ровно настолько, чтобы не пойти ко дну сразу.

Изнутри доносился слабый плач двух младенцев.

На этот звук из зарослей вышла волчица. Она склонилась над корзиной и, не почувствовав привычного запаха добычи, осторожно подхватила её край зубами. Затем потащила корзину прочь от воды, вверх по склону, в полумрак пещеры Луперкал, укрытой в тени дикой смоковницы. Там волчица стала им матерью. Её молоко спасло младенцев от голодной смерти и положило начало легенде о двух братьях, основавших Рим.

Согласно преданию, Ромул и Рем были сыновьями весталки Реи Сильвии и бога войны Марса. Рея была дочерью законного царя Альба-Лонги, но её отец был свергнут собственным братом Амулием. Чтобы лишить род законных наследников, Амулий заставил племянницу стать весталкой и дать обет целомудрия. Однако Рея родила близнецов, и тогда испуганный Амулий приказал утопить их в реке. Слуга не смог убить детей: он оставил корзину на берегу, и течение прибило её к подножию Палатинского холма. Там младенцев нашла волчица, а позже их подобрал пастух Фаустул со своей женой Аккой Ларентией.

Прошли годы. Мальчики выросли и превратились в сильных воинов. Узнав тайну своего рождения, они вернулись в Альба-Лонгу, отомстили Амулию и вернули трон своему деду. Но им хотелось основать собственный город, и они решили построить его на том самом месте, где их спасла волчица. Между братьями вспыхнул спор о том, кто будет править. Они обратились к богам, вглядываясь в небо: Рем первым увидел шесть парящих стервятников, а позже Ромул заметил двенадцать. Каждый счёл это знаком своей победы, и спор перерос в драку. По одной из версий, Рем в насмешку перепрыгнул через священную борозду, которую Ромул только что провёл в земле, обозначая границы будущего города, и тот в ярости убил брата. Легенда гласит, что это случилось 21 апреля 753 года до нашей эры. Ромул дал городу своё имя и стал его первым царём.

Однако миф о Ромуле и Реме остаётся мифом. Тит Ливий и Плутарх записывали эту легенду спустя семь-восемь веков после предполагаемой даты основания Рима, и тот же Ливий в предисловии к своей истории признавал, что события этих времён скорее подходят для поэтических сказаний, чем для подлинных исторических свидетельств.

Образованные люди уже в античности пытались объяснить зоологический абсурд этой истории. Приёмную мать близнецов, Акку Ларентию, местные пастухи прозвали словом *lupa*. На латыни оно означало не только самку волка, но и уличную женщину лёгкого поведения. Плутарх прямо писал об этой двусмысленности: «Ибо латиняне называли волчиц *lupae*, а также женщин распутного поведения, и такой женщиной была жена Фаустула, воспитателя младенцев, по имени Акка Ларентия». Эта лингвистическая двусмысленность и стала ядром, вокруг которого за века вырос миф. Быть вскормленным благородным зверем бога Марса звучало для основателей великой империи куда солиднее, чем вырасти в доме женщины сомнительной репутации.

Историкам тоже не на что опереться: археологи не нашли ни единого доказательства реальности Ромула и Рема. Имя «Ромул», вероятно, было выдуманно задним числом от названия города «Рома», а не наоборот. Правда, в январе 2007 года археолог Ирене Якопи, реставрировавшая дворец императора Августа на Палатинском холме, обнаружила подземную полость на глубине шестнадцати метров — грот высотой восемь метров и диаметром семь с половиной, украшенный ракушками, мозаикой и цветным мрамором. Андреа Каранди, ведущий археолог раскопок на Палатине, объявил, что это и есть легендарный Луперкал — пещера, где волчица вскормила близнецов. Министр культуры Франческо Рутелли поддержал это толкование. Но Адриано Ла Реджина, бывший главный инспектор римских древностей, и профессор Фаусто Зеви тут же указали на нестыковки: грот расположен на шестьдесят шесть метров северо-восточнее того места, где, по античным текстам, должен находиться Луперкал, а стиль мозаики и лепнины характерен для I века нашей эры — эпохи Нерона, а не для VIII века до нашей эры. К сегодняшнему дню научный консенсус сводится к тому, что найденный грот — не Луперкал, а нимфейон, декоративный грот времён Нерона. Впрочем, даже если бы это был Луперкал, находка не доказала бы существования Ромула и Рема — лишь подтвердила бы, что римляне почитали место, связанное с легендой.

А как же знаменитая бронзовая Капитолийская волчица? С ней всё сложнее, и спор не закрыт до сих пор. Долгое время считалось, что статуя — работа этрусских мастеров V века до нашей эры. Первым это атрибутировал Иоганн Иоахим Винкельман в XVIII веке, опираясь на стилистику изображения волчьего меха. Сомнения высказывались ещё в XIX веке: в 1878 году Вильгельм Фрёнер указал на каролингский стиль статуи, а в 1885-м Вильгельм фон Бодэ также предполагал средневековое происхождение, — но эти голоса тонули в авторитете Винкельмана. В 2006 году реставратор Анна Мария Карруба, специалист по металлургии, изучавшая статую с 1997 года, опубликовала исследование, в котором утверждала, что бронза отлита не в античности, а в Средние века. Главный аргумент Каррубы касался техники литья: статуя отлита целиком, монолитом, тогда как в античности крупные бронзовые фигуры отливали по частям и потом спаивали. По её оценке, волчица была создана на рубеже VIII–IX веков, в каролингский период. Годом позже радиоуглеродное и термолюминесцентное датирование в Центре датировки и диагностики при Университете Саленто показало, что статуя создана между 1021 и 1153 годами нашей эры с точностью 95,4%. Но результаты эти парадоксальным образом расходились с выводами самой Каррубы, которая относила статую к рубежу VIII–IX веков. В 2019 году новое радиоуглеродное исследование органических включений, извлечённых из литейного ядра статуи, подтвердило датировку XI–XII веками. Часть исследователей, однако, не сдалась: Джон Осборн из Британской школы в Риме указал, что состав металла соответствует этрусской технике и признаков средневековой переделки не обнаружено. К слову, о ранних упоминаниях: Цицерон в речи против Катилины упоминает волчицу на Капитолии, в которую в 65 году до нашей эры ударила молния, — но нет уверенности, что речь о той самой статуе. Первое же бесспорное средневековое упоминание Капитолийской волчицы относится к IX веку, когда она хранилась в Латеранском дворце. В 1471 году папа Сикст IV передал её в Капитолийский музей. Фигурки тянувшихся к волчице младенцев приделали только в конце XV века, их приписывают скульптору Антонио дель Поллайоло. Так что главный материальный символ мифа — если он и средневековый — появился через тысячу с лишним лет после самого события.

Могла ли настоящая волчица выкормить человеческих детей? Нет. Волчица не станет выкармливать человеческих детёнышей: молоко у неё появляется только одновременно с рождением собственных щенков, а логово — смертельно опасное место. Даже если бы самка каким-то чудом подпустила младенцев к соскам, дети не продержались бы в логове и часа:

любая игра взрослых волков или конкуренция с волчатами за еду стала бы для них смертельной.

Ещё одна проблема — погода. Легендарная дата основания Рима — 21 апреля. Если бросить новорождённых в корзине на холодный илистый берег Тибра, когда температура воды не превышает пятнадцати градусов, а ночью воздух остывает до пяти, они погибнут от переохлаждения за пару часов. У младенцев просто нет нужного запаса подкожного жира, чтобы пережить такую ночь.

Миф о Ромуле и Реме задал образец, по которому европейская культура веками представляла себе дикого ребёнка. В античных сказаниях воспитание животными — это временное испытание: герой растёт среди зверей, обретает необыкновенную силу, возвращается к людям и становится царём. Звериное детство как закалка, а не как травма. Ромул убивает брата, основывает Рим и правит тридцать семь лет. Энкиду проделывает путь от степи до Урука, но ни один из них не ломается от того, что вырос среди зверей.

Реальность выглядит иначе. Одиравший ребёнок редко возвращается к людям без потерь. Речь, не освоенная в первые годы жизни, восстанавливается с трудом или не восстанавливается вовсе. Привыкание к одежде, варёной пище, прямохождению — каждое из этих достижений достаётся месяцами боли. Выпадение младенца из человеческого общества редко оказывается обратимым. Истории, о которых пойдёт речь дальше, записаны не античными поэтами, а врачами и полицейскими. В них нет ничего от сказки.

ГЛАВА 4. ДЖОН ИЗ ЛЬЕЖА

Вокруг гремели мушкетные залпы. Пятилетний мальчик вжался в мокрую обочину, не понимая, куда исчезла мать. Только что она тянула его за руку сквозь толпу, но взрыв расколол небо, люди шарахнулись в стороны, её пальцы выскользнули из его ладони. Мальчик звал её, сначала тихо, потом срываясь на хрип, но рёв войны со стороны деревни стирал его плач.

Шла Тридцатилетняя война. С 1618 по 1648 год религиозный конфликт между католиками и протестантами в Священной Римской империи перерос в общеевропейскую бойню, в которой наёмные армии грабили и выжигали целые области. Княжество Льеж, маленькое церковное государство на территории нынешней Бельгии, пыталось сохранить нейтралитет, но через его земли снова и снова проходили испанские и французские войска, оставляя после себя разорённые деревни. В то утро мать бросилась к лесу, пытаясь спасти сына от наёмников, но в дыму и панике потеряла его.

Мальчик остался один на краю Арденн — обширного лесного массива, что покрывает холмы на границе нынешних Бельгии, Люксембурга и Франции. Он не знал, что эти заросли тянутся на десятки миль. Он знал только, что ему страшно, холодно и что мать за ним не вернётся. Первую ночь он просидел под корнями старого дерева, вздрагивая от хруста веток. Утром голод погнал его в чащу.

Он начал есть всё, что мог найти: ягоды, древесные побеги, сырые грибы. Если запах казался горьким или резким, он выплёвывал кусок. Когда попадалась дохлая птица, он давился перьями, но голод отучил его от брезгливости. Вскоре он разрывал тушки руками и зубами. Корни выкапывал стёртыми в кровь пальцами, пока не догадался использовать палку. Он забыл вкус хлеба и молока. Его телом управлял первобытный ритм: найти еду, найти укрытие, замечать при запахе хищника.

Шли годы. Лес лепил из него новое существо. Кожа огрубела, ладони и колени покрылись мозолями, тело обросло коркой из грязи. На плечах вздулись мышцы. Волосы превратились в колтун. По телу пробился пушок. Он перестал ходить прямо. На четвереньках было удобнее пробираться сквозь бурелом, и получалось быстрее и тише. Речь исчезла. Сначала стёрлись слова, затем пропало желание издавать звуки: в лесу нужно молчать. Иногда во сне с его губ срывался глухой стон. Зато обоняние обострилось до предела. Он чуял запах дождя за полдня до первых капель. Он мог определить, съедобен ли гриб, не поднося его к лицу. Нос заменял ему глаза в темноте, помогая находить припасы и обходить капканы.

Спустя шестнадцать лет жители окрестных деревень стали замечать на склонах холмов сторбленное существо. Сначала его принимали за сатира из местных легенд. Но однажды он подошёл слишком близко к жилью, пытаясь украсть еду, и его поймали. Под слоем грязи люди разглядели человеческие черты. Существо рычало и пыталось прокусить им руки.

Какая-то женщина подошла к забившемуся в угол дикарю и не испугалась. Она присела рядом, долго сидела молча, без резких движений, затем протянула ему ломоть хлеба. Он не взял, но и не зарычал. Через несколько дней он позволил ей подойти ближе, через месяц — прикоснуться к себе. Эта женщина, чьё имя не сохранилось, забрала его в свой дом. Она отмыла его, срезала колтуны, начала приучать к человеческой пище. Но главное: она постоянно с ним разговаривала.

Постепенно к мальчику, которого в литературе назовут Джоном из Льежа, начала возвращаться память. Он заново научился понимать речь, а затем произнёс первые слова. По мере того как он осваивал язык и адаптировался к новой жизни, его обоняние слабело и вскоре стало обычным. Он заговорил, и только тогда люди узнали его историю.

Главным источником сведений о Джоне стал сэр Кенелм Дигби — английский дипломат, натурфилософ и один из основателей Лондонского королевского общества. Человек Remark-тельной судьбы: его отец, сэр Эверард Дигби, был казнён за участие в Пороховом заговоре 1605 года, когда Кенелму не было и трёх лет. Крёстным отцом мальчика стал скрывавшийся от преследований иезуит Джон Джерард. Возможно, именно тень отцовского позора подвигла Дигби искать естественные объяснения явлениям, которые его современники списывали на волю Божию или козни дьявола. В 1644 году в Париже он выпустил труд «Два трактата: о природе тел и о природе души человека» — по сути, первый философский труд на английском языке, — где попытался найти рациональные основания бессмертия души. Дигби не был очевидцем поимки, но записал историю Джона во время путешествий по Европе со слов людей, лично видевших юношу. Позже рассказ Дигби пересказали Блюменбах, Вирей и другие натуралисты, а Линней в 1758 году включил Джона в свою классификацию как *Johannes Leodicensis* — один из шести примеров *Nomo ferus*, «человека одичавшего», которого он описал как «четвероногого, немого, косматого» в десятом издании «Системы природы».

Блюменбах — профессор Гёттингенского университета, считающийся основоположником физической антропологии, — писал о Джоне с осторожностью, отмечая, что сведения исходят от «легковерного Дигби». Эдвард Тайлор, один из первых антропологов Великобритании, в статье «Дикие люди и дети-звери», опубликованной в 1863 году в журнале «*Anthropological Review*», отнёс этот случай к числу сомнительных. История Джона не имеет независимых подтверждений, кроме рассказа самого Дигби, и к ней следует относиться как к ценному, но не бесспорному свидетельству.

Дигби использовал этот случай как научный аргумент. Он считал, что душа мальчика, лишённая возможности общаться через язык, направила всю свою энергию в нос. А когда речь вернулась, душа перераспределила ресурсы обратно, и обоняние притупилось. Сегодня подобные рассуждения о метаморфозах души вызывают улыбку, но для XVII века это был прорыв: Дигби искал биологические причины феномена.

Современная нейробиология предложила бы объяснение через нейропластичность. Оказавшись в лесу без социальных контактов, мозг действительно мог перенаправить ресурсы на те органы чувств, которые были жизненно необходимы для выживания: слух и обоняние. Как только социальная среда восстановилась, пластичный мозг перестроился обратно. Ни один случай феральных детей не был изучен настолько подробно, чтобы подтвердить или опровергнуть подобный механизм, но история Джона остаётся редким свидетельством того, как человек, лишённый общества, может выжить — и вернуться.

Как пятилетний ребёнок мог выжить один в лесу шестнадцать лет? Климат в тех местах умеренный: зимы бывают холодными, но без экстремальных морозов. Арденнские леса не отличаются исключительным изобилием, но дичь, грибы и ягоды там есть. Мальчику повезло, и его организм проявил колоссальную способность к адаптации. Ему было пять, когда он потелся, — возраст, в котором ребёнок уже умеет бегать и хватать, но ещё не умеет рассуждать.

Может быть, именно поэтому лес не убил его: он не понимал, что должен погибнуть, и потому вёл себя как зверёныш, а не как человек, который знает, что без крыши и огня обречён.

История Джона примечательна не только тем, что он выжил, но и тем, что вернулся. Большинство одичавших детей, как мы увидим дальше, возвращаются лишь частично — или не возвращаются вовсе. Джон заговорил. Его обоняние притупилось до нормы. Он снова стал человеком — насколько это вообще возможно после шестнадцати лет молчания и одиночества. Женщина, которая отмыла его и заговорила с ним, не оставила следа в истории. Без неё ничего бы не было.

ГЛАВА 5. ГЭУ-УТУН

Середина VII века до нашей эры. Древний Китай ещё не скован железной хваткой единой империи, он расколот на десятки враждующих царств. На юге раскинулось государство Чу — огромная, полудикая территория, покрытая топями, лесами и туманом, где центральнокитайские порядки доходили слабо, а местные шаманские верования цвели вовсю. Здесь родилась легенда, похожая на сказку.

В «Цзо чжуань», одном из древнейших исторических текстов Китая, рассказывается, что молодой аристократ Доу Бо-би вступил в тайную связь с дочерью правителя царства Юнь, и та понесла от него. Когда княгиня-мать узнала о позоре, она пришла в бешенство: репутация семьи была разрушена. Приговор был кратким — избавиться от новорождённого. Слуги отнесли ребёнка в болота и оставили там.

Через некоторое время местный князь, дед брошенного малыша, отправился в эти края на охоту. Раздвинув стебли тростника, он замер. У воды лежала гигантская полосатая кошка. А возле её живота, уткнувшись лицом в шерсть, спал младенец. Хищница, способная одним ударом лапы сломать хребет буйволу, стала ему кормилицей.

Князь примчался во дворец и рассказал жене о видении. Княгиня побледнела, упала в ноги мужу и призналась во всём. За младенцем послали воинов. Мальчика принесли во дворец живым и невредимым. Ему дали имя Доу Гоуту. На чуском наречии «гоу» означало «кормить грудью», а «уту» — «тигр». Вместе — «вскормленный тигром». Позднее он стал известен под учтивым именем Цзывэнь. Любопытно, что независимо от «Цзо чжуань» словарь диалектов «Фанянь», составленный в эпоху Хань учёным Ян Сюном, также фиксирует слово «уту» для тигра в чуском наречии — лингвистическая основа имени подтверждается ещё одним источником.

Мальчик вырос, поступил на службу к царю Чэн-вану и стал первым министром — линь-инем. Цзывэнь навёл порядок в налогах, перестроил армию и ввёл суровые законы. При этом министр оставался бессребреником. Всё жалованье он тратил на нужды государства и армии. Когда случался неурожай, Цзывэнь отказывался от мяса, заявляя, что чиновник не имеет права жиреть, пока народ голодает. Даже конфуцианские летописцы, которые не переносили «южных варваров», вынуждены были приводить его в пример как идеального политика. В «Лунь юй», в пятой главе, ученик Цзы-чжан спрашивает Учителя о Цзывэне: он трижды занимал должность первого министра и трижды покидал её, не выказывая ни радости при назначении, ни огорчения при отставке, и при этом каждый раз передавал дела новому министру. Конфуций ответил одним словом — «преданный». Редкая похвала для чуского министра, выходца из царства, которое северные интеллектуалы считали полуварварским.

Но с биологической стороны история рассыпается. Тигрица ни при каких обстоятельствах не станет кормить человеческого детёныша. Оставленный в сыром болоте младенец погиб бы от переохлаждения, обезвоживания или укусов насекомых за несколько часов, даже если бы хищники прошли мимо. Это понимали даже в Древнем Китае. Танский учёный Кун Инда (574–648), живший при императоре Тай-цзуне, руководил составлением «Чуньцю Цзо чжуань чжэн и» — «Выправленного смысла комментария Цзо к „Вёснам и осени“», — труда, который стал стандартным комментарием к «Цзо чжуань» на тысячу лет вперёд. Кун Инда считал многие древние предания метафорами, а не букварной правдой. Младенец, по всей

видимости, чудом выжил в дикой местности, а люди объяснили это вмешательством священного зверя. Возможно, речь шла о символическом усыновлении или о том, что ребёнок был найден в местности, связанной с культом тигра.

Зачем понадобилось приплетать к биографии чиновника огромную кошку? Царство Чу находилось на периферии цивилизованного китайского мира. Там процветал шаманизм, люди верили в магию природы и поклонялись тигру как символу власти и ярости. В чуском искусстве тигр — один из самых частых мотивов: бронзовые изделия того времени сплошь украшены изображениями тигров с высунутыми языками, переплетёнными с драконьими телами. В соседнем царстве Ба, что лежало к западу от Чу, тигр был не просто символом — тотемом. Первый царь Ба, Линь-цзюнь, по преданию, после смерти превратился в белого тигра, и с тех пор жители Ба приносили духу белого тигра человеческие жертвы. Археологи находят в могильниках Ба бронзовые барабаны с рельефными изображениями тигра и гробы в форме лодок, украшенные звериными мордами. Цзывэнь был реальным реформатором, его существование подтверждают исторические документы — «Цзо чжуань» сообщает о его участии в государственных делах при царе Чэн-ване и о его знаменитой бедности, ставшей притчей во языцех. Ему приходилось ломать старые устои, собирать налоги и принуждать элиту к подчинению. Миф о человеке, вскормленном священным зверем, давал ему власть не от царей, а от земли. Человек, которого выкормил тигр, получает мандат природы. Спорить с таким министром — всё равно что бросать вызов не людям, а богам.

ГЛАВА 6. МЕДВЕЖИЙ МАЛЬЧИК ИЗ ЛИТВЫ

Ранняя весна в лесах близ Ковно (нынешнего Каунаса) выдалась промозглой. Ещё в марте низины затянуло туманом, а болота покрылись коркой льда, которая хрустела под лапами зверя и ногами человека. В 1663 году крестьяне подляских и трокских земель жаловались стольнику великому литовскому князю Марциану Александру Огинскому на медведей, которые в великом множестве размножились в окрестных лесах и всё чаще выходили к деревням. Несколько лет перед тем через эти земли прошла русско-польская война 1654–1667 годов: московские войска razорили Подлясье и Трокское воеводство, селения обезлюдели, и зверь, не встречая прежнего отпора, расплодился в брошенных пущах. Теперь медведи задирали скот, а порой нападали и на людей. Крестьяне просили помощи, и Огинский, который в том же 1663 году участвовал в походе литовского войска на Москву, организовал облаву на опасного зверя.

Один из таких охотничьих отрядов и наткнулся на то, что поначалу принял за выводок медвежат.

Из-под вывороченного корня старой ели доносился шум: возня, сопение, треск сучьев. Решив, что это зверь, охотники окружили бурелом и уже изготовились стрелять, когда из-под корней высунулась голова, покрытая спутанными, свалывшимися в колтун волосами. Это был мальчик. На вид ему можно было дать около девяти лет. Он стоял на четвереньках, втянув голову в плечи, и издавал низкий, утробный звук — не крик, а скорее глухое ворчание, каким медведица подзывает потомство. Медведи, которых нашли рядом с ним, отчаянно защищали его и других медвежат — солдатам пришлось приложить немало усилий, чтобы отбить ребёнка.

В лесу заметили двоих детей, но поймать удалось лишь одного. Второй юркнул в чащу и больше не попадался людям на глаза.

Дикаря скрутили и привезли в Варшаву. О найдёныше быстро узнали при дворе — он стал чем-то вроде живой диковины. Пьер де Нойер, секретарь королевы Марии Людовики Гонзаги, француз, живший в Польше с 1646 года, упоминал мальчика в письмах, которые отправлял друзьям на родину. Через эти письма история впервые попала в печать: в 1663 году о медвежьем мальчике из Литвы сообщила французская газета «Nouvelles Ordinaires». Но самое подробное описание оставил другой иностранец — Бернард О'Коннор, ирландский врач, служивший при дворе польского короля Яна III Собеского. О'Коннор родился около 1666 года в графстве Керри, изучал медицину в Монпелье и Париже, степень доктора получил 18 сентября 1691 года в Реймсе. В Польшу он приехал в 1694 году — то есть через тридцать с лишним лет после поимки мальчика. К тому времени дикарь уже давно жил при дворе, и О'Коннор встретил его там взрослым юношей. В 1698 году в Лондоне вышел двухтомник О'Коннора «История Польши», где медвежьему мальчику посвящён целый пассаж.

Имя Йозеф, которое иногда встречается в литературе, в записях О'Коннора не упоминается — мальчик остаётся безымянным. Врач писал, что тот передвигался на четвереньках, не говорил, а издавал звериное бормотание. При приближении незнакомцев он рыл землю, пытаясь спрятаться. Тело найдёныша покрывал густой пух. О'Коннор отмечал у него острое обоняние: он мог по запаху находить спрятанные вещи. Но удивительно не описание дикости, а то, что последовало за ней. Мальчик не умер и не остался запертым в зверином состоянии. Постепенно он научился ходить прямо, стал есть варёное мясо. К одежде его так и не удалось приучить, и речь он не освоил. По словам О'Коннора, «меньше всего было надежды когда-либо

научить его польскому языку», поскольку он продолжал «выражать свои мысли медвежьим тоном». Однако он жил при дворе, не просто существовал взаперти. Время от времени юноша сбегал в лес, где пил древесный сок, собирал мёд и яблоки. Однажды, как писал О'Коннор, к нему подошёл дикий медведь и лизнул ему лицо. Это был медведь, который до этого убил двух человек.

Другой свидетель — Ян Хризостом Пасек, польский шляхтич и мемуарист, живший с 1636 по 1701 год, — описал мальчика в «Памятниках», найденных лишь в XIX веке. Пасек видел его при дворе и был поражён: мальчик, по его словам, выглядел лет на тринадцать, был «весь длинными, как у медведя, обросшими волосами, даже лицо, только глаза блестящие», не имел «ни человеческой речи, ни манер, только животное поведение». Огинский, писал Пасек, «поставил заборы, приказал личникам гнать его живым в сеть с большим ущербом для стрельцов, ведь медведи яростно защищали его, особенно одна большая медведица». Из-за опасности мальчика держали в наручниках. Пасек, яркий рассказчик и острый наблюдатель, известен своими мемуарами — образцом польской барочной прозы, — где описывал шведские и московские войны, дуэли, ссоры и быт шляхты. Его «Памятники» были обнаружены только в 1836 году и сразу стали классикой.

Рассказ о диком ребёнке на этот раз принадлежал не монаху и не рыночному зеваке, а дипломированному врачу и образованному мемуаристу. Но дальнейшая судьба истории показывает, как легко один реальный случай превращается в миф. Писатели и компиляторы раздули из одного наблюдения целую историю. Мальчиков стало трое: якобы их находили в 1657, 1669 и 1694 годах. Появилась байка, будто мальчик плюнул пережёванной грушей в лицо королеве Людовике Марии Гонзаге. Поздние авторы ссылались на парижские газеты, но никаких плевков и сенсаций там не было. Всё это выдумали в эпоху романтизма.

Французский хирург и историк Серж Ароль, изучивший архивы королевы Польши и великой герцогини Литовской Марии Людовики Гонзага 1660-х годов, навёл порядок в этой путанице. Он обнаружил, что ни в королевских документах, ни в приходских книгах, ни в судебных протоколах тех лет нет следов трёх разных «медвежьих мальчиков». Архивы хранили следы только одного ребёнка, пойманного весной 1663 года примерно в девятилетнем возрасте. Второго мальчика, которого охотники видели у берлоги, не поймали. Вероятно, это были братья из потерянной семьи, бежавшей от татарских набегов.

Как из одного случая выросли три? Ароль проследил цепочку искажений. Разные авторы ссылались на разные источники и даты: иезуит Габриэль Рачинский в «Естественной любопытной истории Королевства Польского и Великого княжества Литовского», изданной в 1721 году в Сандомире, упоминал 1657 и 1663 годы. Луи Морери в «Большом историческом словаре» давал 1661-й. Голландец ван ден Клеверсерк — 1669-й. Сам О'Коннор в «Истории Польши» указывал 1694-й — вероятно, год, когда он сам увидел мальчика при дворе. Каждый брал чужие данные, добавлял свои, и к концу XVIII века в литературе утвердилось представление о серии медвежьих детей, якобы появлявшихся в Литве с интервалом в несколько десятилетий. На самом деле все эти сообщения восходили к одному событию — весне 1663 года, — переосмысленному и раздутому переписчиками.

Одно важное последствие эта история имела уже в XVIII веке. Шведский натуралист Карл Линней, классифицируя в десятом издании «Системы природы» (1758) всё живое, выделил диких детей как особую подгруппу человека: немых, волосатых, четвероногих. Первым примером этой подгруппы он поставил литовских медвежьих мальчиков: *Juvenis Ursinus*

lithuanus. Рядом с ним стояли гессенский волчий юноша, ирландский мальчик-овца и другие — всего около десятка случаев. Один мальчик из литовского леса, задокументированный ирландским врачом и польским мемуаристом, через полвека стал научным типом, которому Линней присвоил латинское имя, как зоологическому виду.

ГЛАВА 7. ТЕЛЕФ

Геракл, величайший герой греческой мифологии, сын Зевса и Алкмены, прославился двенадцатью подвигами от Испании до Кавказа. О его силе, ярости и любвеобильности ходили легенды по всей Элладе, и в каждом царстве, где он проходил, оставались его потомки — иногда законные, чаще случайные. Так вышло и в Аркадии.

Царь Аркадии Алей правил в Тегее. Его дочь, царевна Авга, была жрицей Афины и, по замыслу отца, должна была остаться девственницей. Алей получил пророчество: сын Авги убьёт своих дядёв, братьев матери. Чтобы отвести беду, он сделал дочь жрицей богини и запретил ей выходить замуж. Но Алей не учёл, что рядом может оказаться сын Зевса. По одной версии, Геракл, проходя через Тегею, соблазнил Авгу. По другой — он взял её силой. Так или иначе, Авга родила мальчика.

Царь Алей, узнав о позоре дочери, пришёл в ярость. Едва ребёнок появился на свет, он приказал избавиться от него. По одной версии, младенца оставили на склоне горы Парфенион. По другой — Авга, боясь отцовского гнева, тайно родила и подкинула младенца на той же горе.

Младенец заплакал, и его голос разнёсся по ущелью. На этот звук из зарослей вышла лань. Её собственный детёныш пропал, и вымя было тяжело от молока. Она склонилась над ребёнком, обнюхала его, облизнула лицо и легла рядом, подставив сосцы. Так сын Геракла был вскормлен дикой ланью — зверем, посвящённым Артемиде, богине охоты.

Через несколько дней пастухи, пасшие скот на склонах Парфениона, нашли ребёнка. Они отнесли его к своему господину, царю Корифу, и тот усыновил найдёныша. Мальчику дали имя Телеф. Уже в античности существовало народное объяснение этого имени: от слов «thele» (сосок) и «elaphos» (олень) — «вскормленный оленем». Современная лингвистика возводит имя к корням «tele» (далеко) и «phos» (свет) — «далеко сияющий». Но именно народная этимология закрепилась в традиции, связав имя героя с ланью-кормилицей.

Когда Телеф вырос, оракул в Дельфах открыл ему тайну его рождения. Юноша отправился на поиски матери и попал в Мисию, где Авга, бежавшая от гнева отца, стала женой царя Тевфранта. Встреча матери и сына едва не закончилась трагедией: по незнанию они чуть не вступили в кровосмесительный брак, но боги вмешались, и они узнали друг друга. Тевфрант усыновил Телефа и сделал его наследником.

Пророчество, которого Алей так боялся, сбылось. Когда Телеф вырос, в одном из сражений он убил сыновей Алея — своих дядёв по материнской линии. Миф не сообщает, знал ли он об их родстве в тот момент.

После смерти царя сын Геракла стал правителем Мисии. В начале Троянской войны греческий флот по ошибке пристал к берегам Мисии, приняв её за Троаду. Телеф вывёл войско и в битве обратил ахейцев в бегство. Но когда он преследовал врага, Дионис наслал на него виноградную лозу, в которой герой запутался и упал. Подоспевший Ахилл пронзил ему бедро копьём. Так Телеф получил рану, которая не заживала годами.

Оракул Аполлона изрёк: «Исцеливший — сам ранивший». Телеф, переодевшись нищим, пробрался в греческий лагерь и, схватив младенца Ореста, сына Агамемнона, пригрозил убить его, если ахейцы не помогут. Одиссей подсказал решение: Ахилл соскоблил ржавчину со своего копья и приложил к ране. Телеф исцелился, а в благодарность указал грекам путь к Трое.

Миф о Телефе был популярен в Афинах не меньше, чем в Мисии. Эсхил посвятил ему две трагедии — «Мисийцы» и «Телеф». Софокл тоже писал о нём. Но самая известная постановка — «Телеф» Еврипида, впервые показанная в 438 году до нашей эры на Великих Дионисиях вместе с «Алкестой». Трагедия заняла второе место. Еврипидовский Телеф — первый в истории театра герой, переодетый нищим: зрители привыкли к царям в плащах, а перед ними стоял оборванец, который держал за пазухой царского младенца и рассуждал о справедливости. Пьеса дошла лишь во фрагментах, но отдельные сцены пародировал Аристофан — а значит, афинянам они запомнились.

В Мисии Телефа почитали как местного героя, а через несколько столетий после его мифической жизни произошло неожиданное: Телеф стал предком царей. Атталиды, правившие Пергамом с III века до нашей эры, объявили его своим родоначальником. Пергам — город в Мисии, на реке Каик, недалеко от того места, где, по преданию, Телеф правил. Атталиды были не из старой греческой знати: их основатель Филетер начинал казначеем при наследниках Александра Македонского. Династии, не имеющей древних корней, нужна была легитимность — и миф о герое, сыне Зевсова сына, вскормленном ланью и ставшем царём, подходил идеально. Около 170–160 годов до нашей эры царь Евмен II построил в Пергаме Великий алтарь Зевса — один из самых грандиозных памятников эллинистического искусства. Снаружи алтарь был обвит фризом с гигантомахией: олимпийские боги дробили змееногих гигантов — аллегория побед Атталидов над галатами. А внутри, на стенах алтарного двора, шёл второй, меньший фриз — с историей Телефа. Лань, кормящая младенца. Геракл, опирающийся на палицу. Телеф, сидящий на алтаре с младенцем Орестом под мышкой. Это был один из первых примеров непрерывного повествования в искусстве: сцены перетекали одна в другую, как кадры в ленте, и одни и те же фигуры появлялись в разных эпизодах. Сегодня фрагменты этого фриза хранятся в Пергамском музее в Берлине.

А в Тегее, родине Телефа, битву его с Ахиллом изобразили на западном фронте храма Афины Алеи — около 350–340 годов до нашей эры. Павсаний, видевший фронтон во II веке нашей эры, описал его в своих записках. Там, где когда-то бросили младенца на камни Парфениона, стоял храм, на стенах которого его история была выбита в камне.

Телеф не погиб в Троянской войне — он лишь показал грекам дорогу и вернулся в Мисию. Но судьба настигла его позже: по преданию, его убил Неоптолем, сын Ахилла. Тот, кто ранил, исцелил. Тот, кто исцелил, — убил. Копьё, ржавчина с которого затянула рану, привело к новой ране, уже смертельной. Так завершился путь сына Геракла, вскормленного ланью на склоне аркадской горы.

ГЛАВА 8. ПИТЕР ИЗ ХАМЕЛЬНА

XVIII век вошёл в историю как эпоха Просвещения — время, когда люди поверили, что с помощью разума и науки можно объяснить всё. Одной из навязчивых идей философов того времени стал поиск «естественного человека», не испорченного правилами и лицемерием цивилизации. Поэтому, когда летом 1725 года в лесах близ немецкого Хамельна поймали одичавшего мальчика, для учёных мужей Европы это стало настоящим подарком. Тёмные времена увидели бы в нём нечистую силу, но просвещённый век увидел живое доказательство собственных теорий.

История поимки этого ребёнка, которого позже назовут Питером, давно очищена от газетной шелухи. Местные жители обнаружили в чаще голого дикаря, который бегал на четвереньках и при приближении людей взбирался на дерево. Чтобы его поймать, охотникам пришлось срубить ствол, в ветвях которого он прятался. Найдёныша бросили в исправительный дом в Целле, где он томился несколько недель, пока слухи о «лесном мальчике» не достигли короля Великобритании Георга I, гостившего в ганноверских владениях.

Мальчику на вид давали лет двенадцать. Он не издавал членораздельных звуков и вместо речи мычал. Но на шее дикаря болтались грязные ошметки воротника от рубашки. Это значило, что он не вырос в волчьей стае с рождения. Скорее всего, кто-то отвёл его в чащу и бросил там. Приходская книга церкви Святой Марии в Нортчерче, где позже запишут смерть Питера, упомянет и это: «Хамельн был городом, где преступников содержали для работ на фортификационных сооружениях, и в Ганновере предположили, что Питер мог быть ребёнком одного из этих преступников, который заблудился в лесу и не нашёл дороги назад, или же, будучи замеченным как слабоумный, был жестоко выброшен родителем и оставлен на произвол судьбы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.